

Шангуань Юнь мог отказать Су Яню, но был не в силах помешать супругам Шэнь навестить собственную дочь.

Шэнь Фанхэ и его жена безгранично доверяли молодому даосу. Позже в тот же день госпожа Шэнь, бережно сжимая в руках полученный от него охранный талисман, вместе с мужем отправилась в поместье Шангуань.

Услышав о приезде четы Шэнь, Юнь-нян, прекрасная, точно вырезанный из нефрита цветок, вмиг лишилась красок. В панике она вцепилась в рукав Шангуань Юня:

— Юнь-лан, супруги Шэнь... они ведь так давно не появлялись! Почему вдруг сейчас? Неужели они... они обо всём догадались?

Шангуань Юнь обнял её за плечи, пытаясь успокоить:

— Не тревожься. Они просто соскучились. Недавно у тебя едва не случился выкидыш, они порывались приехать ещё тогда, но я сумел их сдержать. Ложись в постель и не вставай. Лишнего не говори. Если заметят неладное, сошлись на крайнюю усталость — так и спровадим их.

Юнь-нян послушно кивнула, но страх не отпускал её:

— Ах, если бы та служанка тогда согласилась! Сейчас мне не пришлось бы трястись от каждого шороха.

Шангуань Юнь холодно усмехнулся:

— Девка не понимала своей выгоды. Туда ей и дорога, нечего о ней вспоминать. Ложись, любимая, они уже у дверей. Я пойду встречу их и постараюсь быстрее выпроводить.

Юнь-нян с тревогой проводила его взглядом.

Поскольку чета Шэнь явилась с единственной целью — увидеть дочь, все любезности Шангуань Юня пропали даром. Не успели слуги подать чай, как госпожа Шэнь, не видевшая дочь уже больше месяца, наотрез отказалась сидеть в гостиной и потребовала проводить её в покои.

В династии Чжоу правила приличия не были столь суровы, как в последующие эпохи, а потому хозяину дома ничего не оставалось, кроме как покорно отвести стариков во внутренние палаты.

Предупреждённая заранее, Юнь-нян уже лежала в постели под плотным одеялом, подставив свету лишь бледное, измученное лицо.

Увидев, как сильно дочь осунулась всего за месяц — её некогда цветущий лик теперь напоминал увядающий белый цветок, — госпожа Шэнь не смогла сдержать слёз и украдкой отвернулась, утирая глаза платком.

Шэнь Фанхэ, не желая показывать слабость перед зятем, кашлянул и обратился к жене:

— Где то, что передал нам Даоси Су?

Вспомнив об обереге, госпожа Шэнь поспешно извлекла его из рукава, присела на край постели и протянула Юнь-нян:

— Доченька, возьми. Это талисман от Даоси Су. Он защитит тебя и твоего будущего сына.

При словах «будущего сына» Юнь-нян прошиб холодный пот. Она в панике перевела взгляд на Шангуань Юнь, безмолвно умоляя о помощи.

Тот немедленно вмешался, мягко улыбнувшись:

— Премного благодарен уважаемым тестю и тёще за заботу о Хун-эр. Однако я уже пригласил искусного мастера, который неотлучно пребывает в нашем поместье и следит за её здоровьем. Вам не о чем беспокоиться.

Шэнь Фанхэ нахмурился:

— Одно другому не мешает. Твой мастер — сам по себе, а Даоси Су — человек редкого дарования. Он с первого взгляда изгнал нечисть, что терзала наш дом. Охранный талисман, который он дал, Хун-эр обязана носить.

С упрямыми стариками спорить было бесполезно — во все времена пожилые люди, разменявшие пятый десяток, отличались редкой непреклонностью. Чем сильнее им перечишь, тем глубже они укореняются в своём мнении.

Видя, что тесть начинает раздражаться, Шангуань Юнь решил уступить, лишь бы поскорее спровадить гостей. Он мягко обратился к Юнь-нян:

— Хун-эр, родители желают тебе только добра. Не отказывайся.

Делать было нечего. Юнь-нян нехотя протянула руку, собираясь взять талисман, но госпожа

Шэнь просияла:

— Погоди, милая, давай я сама тебе его надену.

Юнь-нян пришлось убрать волосы набок и покорно склонить голову, открывая тонкую шею.

Едва шнурок коснулся кожи, в ноздри Юнь-нян ударил тонкий, едва уловимый аромат — сладковатый, пьянящий и дурманивший. Но вместо удовольствия она в ужасе исказила лицо. Издав пронзительный, режущий слух вопль, она с головой зарылась под одеяло.

Госпожа Шэнь, сидевшая ближе всех, испуганно отпрянула и принялась судорожно стягивать покрывало:

— Хун-эр! Доченька, что с тобой?!

Забыв о приличиях, Шангуань Юнь грубо оттолкнул тещу, присел на край кровати и крепко обнял бьющуюся под одеялом женщину:

— Не бойся, родная, я здесь... Я с тобой.

— Юнь-лан... — услышав его голос, Юнь-нян немного успокоилась. Она осторожно приоткрыла лицо, показав лишь испуганные глаза.

И застыла от ужаса.

Перед ней стояли два Шангуань Юня.

Один — настоящий, с лицом, полным нежной тревоги, бережно сжимал её в объятиях и шептал ласковые слова. Второй же... лишился плоти. Это был голый костяк. Кости его рук обвивали чёрные змеи, источающие яд. Когда его челюсти размыкались, оттуда высовывался мерзкий крысиный хвост, а из горла доносился противный писк.

Юнь-нян с диким криком оттолкнула мужа. Она посмотрела на супругов Шэнь — и увидела ещё два скелета. Из их пустых глазниц струилось призрачное зелёное пламя. Окончательно обезумев от страха, она снова спряталась под одеяло.

— Хун-эр! Хун-эр, да что же это?! — плакала госпожа Шэнь. Не помня себя от тревоги, она со всей силы рванула одеяло на себя.

Увидев прямо перед собой пляшущие зелёные огни и челюсти скелета госпожи Шэнь, из которых то и дело высовывалось маленькое алое лезвие, Юнь-нян зажмурилась и зашлась в

истощном визге, обхватив голову руками. Она больше не слышала вопросов.

— Это... это что такое?! — госпожа Шэнь внезапно вскочила, указывая дрожащим пальцем на шею дочери.

Охранный талисман, только что надетый на Хун-эр, начал испускать струйки густого чёрного дыма.

Шэнь Фанхэ бросился к кровати и обомлел:

— Даоси Су был прав! Нашу девочку постигла беда! — Он мгновенно выбежал из комнаты и крикнул слуге, дежурившему во дворе: — Лайфу! Живо беги в Храм Высшего Тайнства! Позови Даоси Су!

— Пойдите! Не нужно! — Шангуань Юнь испугался, что тайна раскроется. Он крепко прижал к себе бьющуюся в истерике Юнь-нян и закричал вслед слуге: — В моём доме есть свой мастер! Зачем искать кого-то на стороне? Люди, быстро позовите Даоси Ваня!

Шэнь Фанхэ, давно подозревавший неладное, в гневе топнул ногой:

— Какой ещё Даоси Вань?! Шарлатан обыкновенный! Столько времени торчит в твоём поместье и даже не заметил, что в Хун-эр вселилась нечисть! Даоси Су лишь взглянул на меня и сразу предсказал эту беду. Только на него вся надежда! Лайфу, бегом в храм!

В спальне царил полнейший хаос. Шангуань Юнь больше не спорил — он лишь пытался удержать кричащую жену.

Лайфу, сообразив, что медлить нельзя, сорвался с места и помчался к Храму Высшего Тайнства.

Вскоре прибежал слуга из дома Шангуаня. Тяжело дыша, он доложил прямо у дверей:

— Господин... Даоси Ваня нет в его комнатах!

Шангуань Юнь похолодел:

— Куда он делся?!

— Слуги говорят, ушёл ещё на рассвете. И... все его вещи из комнаты пропали.

Шэнь Фанхэ ядовито усмехнулся:

— Вот он, твой великий заступник. Пятки смазать у него сил хватило!

Шангуань Юню было не до его насмешек. Он яростно взревел:

— Ищите! С ног сбейтесь, но найдите этого проклятого монаха и притащите сюда!

— Слушаюсь! — испуганно пискнул слуга и попятился.

Время безжалостно уходило, отмеряемое каплями воды в клепсидре, а талисман на шее Юнь-нян продолжал тлеть. Теперь он не просто дымил — шнурок буквально врезался в тело, погружаясь в живую плоть. Шангуань Юнь попытался сорвать его, но от этого верёвка затянулась ещё туже, уходя глубже под кожу.

Обессилив от боли, Юнь-нян каталась по постели, глухо стонала и содрогалась в судорогах. Её одежда насквозь пропиталась холодным потом. Она мёртвой хваткой вцепилась в предплечье Шангуань Юня, оставляя на его напряжённой руке глубокие, сочащиеся кровью борозды.

Терпя жгучую боль в руке, Шангуань Юнь пытался её успокоить и без конца выкрикивал приказы слугам. Но вместо Даоси Ваня на пороге появился Су Янь.

— Господин! Слуга Шэней привёл даоса! И... с ними Уличный посол Пэй!

При имени Пэй Цзинсина сердце Шангуань Юня ушло в пятки.

— Впустите даоса! А Уличного посла Пэя попросите подождать. Скажите, что в доме несчастье и сейчас не время для визитов.

Однако слуга лишь растерянно переминался с ноги на ногу:

— Господин, Посол Пэй сказал, что пришёл вместе с даосом. И если хозяин дома ему не рад, они уйдут вдвоём.

Шэнь Фанхэ, услышав это, окончательно вышел из себя:

— Какая разница, кто там пришёл! Впускай их всех! Жизнь моей дочери висит на волоске!

Беглый Даоси Вань испарился, а Юнь-нян на глазах превращалась в живой труп. Шангуань Юнь до безумия боялся, что её душа погибнет, а плоть Шэнь Хунъин скинет плод. Талисман, присланный Су Янем, явно указывал на то, кто здесь настоящий хозяин положения.

Тяжело вздохнув, Шангуань Юнь признал поражение:

— Зови... Зови обоих.

Для Су Яня это был второй визит в поместье Шангуань — первым стала их тайная ночная вылазка несколько дней назад. И, как и тогда, едва он переступил порог усадьбы, глазурированные жемчужины на его груди начали слабо нагреваться.

Но стоило ему ступить во внутренний двор, как жар усилился, а когда он вошёл в спальню, жемчужины раскались так, словно их бросили в кипяток.

Заметив, как Су Янь внезапно побледнел и схватился за ворот, Пэй Цзинсин тихо спросил:

— Что с тобой?

Даос покачал головой и, повернувшись к Шэнь Фанхэ, произнёс:

— Господин Шэнь, тело вашей дочери захвачено чужим духом. Произошло переселение души.

Шэнь Фанхэ побледнел как полотно:

— Даоси Су... о чём вы говорите?!

Су Янь не стал ничего объяснять. Он сложил пальцы в заклинание и негромко, но отчётливо зачитал слова силы:

— Я — Небесное Око, с небесами единый. Мой взор — точно молния, озаряет пределы. Вижу сокрытое, зрю насквозь земное. Ничему не укрыться от этого взора. Повелением грозным — свершись!

С каждым произнесённым словом тело Юнь-нян неестественно выгибалось дугой и с глухим стуком билось о тяжёлую раму ложа из грушевого дерева. И с каждым ударом её призрачный силуэт на вершок отделялся от физического тела Шэнь Хуньин. Стоило Су Яню завершить заклинание, как душа Юнь-нян окончательно вылетела наружу.

В комнате сгущались вечерние сумерки. Багровые лучи заходящего солнца едва дотягивались до середины покоев, и лишь яркие свечи разгоняли мрак.

Но даже это тепло не могло согреть Шэнь Фанхэ — его пробрал смертный холод.

— Даоси Су... это... кто это?

Госпожа Шэнь в ужасе осела на пол. Она, не мигая, смотрела на парящий над кроватью призрачный силуэт незнакомой женщины и на распростёртое под ним, бездыханное тело собственной дочери.

— Шангуань Юнь применил запретное колдовство, — ответил за товарища Пэй Цзинсин, поудобнее перехватывая Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка. Он с силой опустил древко на пол, отчего по комнате разнёсся тяжёлый гул. — Он призвал душу своей покойной первой жены и вселил её в вашу дочь. Тварь, покорись!

Это копье, выкованное из метеоритного железа и омытое кровью свирепых якшей, обладало сокрушительной силой против порождений тьмы. От одного удара древка призрак Юнь-нян затрепетал, словно пламя свечи на ветру, и испуганно сжался, не смея поднять глаз на родителей Хун-эр.

Су Янь потянулся к мечу за спиной, собираясь зачитать усмиряющее заклятие, как вдруг его пронзила невыносимая боль. Пальцы онемели, и верный клинок со звоном рухнул на пол.

Даос согнулся пополам, судорожно вцепившись в воротник и до крови закусив губу. Глазурованные жемчужины на его груди раскалились добела. Раздался оглушительный гул — тысячи голосов пленных бесов и призраков, которых он пленил за последние три месяца, яростно завывали, пытаясь вырваться на свободу. Если они сорвут печать прямо здесь, поместье превратится в сущий ад. Из последних сил Су Янь сдерживал напор беснующейся нечисти, чувствуя во рту солоноватый вкус собственной крови.

И тут раздался сухой треск. Одна из жемчужин на его груди лопнула. Несколько глазурованных жемчужин выскользнули сквозь его пальцы и посыпались на пол.

Глазурованная жемчужина, подёрнутая тёмной рябью, покатилась по каменным плитам и замерла у самой кровати. С тихим хлопком из неё вырвалось облако зелёного тумана, соткавшееся в силуэт молодой женщины.

Это был тот самый призрак, которого Су Янь когда-то пленил на бахче!

Госпожа Шэнь, всё ещё сидевшая на полу возле кровати, вгляделась в черты появившегося духа. Глаза её расширились от изумления и дикого страха, и она закричала на всю комнату:

— Баоинь!!!